

КАНТ И ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИИ
ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(Калининград, 9–10 ноября 2017 г.)¹

Л. Ю. Корнилаев²

В обзоре представлены особенности организации и основные идеи международной научной конференции «“Нет права на восстание”». Кант и проблема революции в политической философии XVIII–XXI вв.». Конференция прошла в Балтийском федеральном университете имени Иммануила Канта 9–10 ноября 2017 г. и была посвящена 100-летию юбилею Русской революции. Организатором конференции выступила Академия Кантиана – научное подразделение компаративных исследований философии России и Запада при Институте гуманитарных наук БФУ им. И. Канта. В докладах, представленных на конференции, основное внимание было уделено анализу феномена революции от Канта до наших дней, а также концепциям революции, появившимся в непосредственной хронологической близости к Русской революции 1917 г. В обзоре приведено краткое содержание всех прозвучавших на конференции докладов и состоявшихся дискуссий в соответствии с тематическими блоками. Конференция подтвердила, что кантовские идеи о государстве и революции остаются востребованными вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова: Кант, теории революции, Русская революция, понятие государства, право на сопротивление, соотношение морали и политики, проблема свободы.

В Балтийском федеральном университете им. И. Канта 9–10 ноября 2017 г. прошла международная научная конференция «“Нет права на восстание”». Кант и проблема революции в политической философии XVIII–XXI вв.». Организатором конференции выступила Академия Кантиана – научное подразделение компаративных исследований философии России и Запада при Институте гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, инициатором – научный директор Академии Кантиана доктор философских наук, профессор Н.А. Дмитриева.

В 2017 г. в связи со столетним юбилеем Русской революции в России и за рубежом состоялось большое количество научных конференций. Отличием конференции в Калининграде стала историко-философская перспектива анализа этого события и самого феномена революции. Исходная точка дискуссий – кантовские размышления о Французской революции. Участникам предстояло проследить и проанализировать трансформации теорий революции от Канта до на-

¹ Данная работа поддержана из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Поступила в редакцию 25.12.2017 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2018-1-5

© Корнилаев Л. Ю., 2018

KANT AND THE PROBLEM OF REVOLUTION:
A REPORT
OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE
(Kaliningrad, November 9–10, 2017)¹

L. Yu. Kornilaeв²

This report presents the features of the organisation and the main ideas of the international scientific conference “‘No Right of Sedition’ Kant and the Problem of Revolution in the 18th–21st Century Philosophy.” The conference was held at the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU) in Kaliningrad on November 9–10, 2017 and was dedicated to the 100th anniversary of the Russian Revolution. The event was organised by the Academia Kantiana – a research unit on comparative studies on Russian and Western philosophy at the IKBFU’s Institute for the Humanities. The reports presented at the conference focused on the analysis of the phenomenon of revolution from Kant to the present day as well as the conceptions of revolution that appeared around the time of the Russian Revolution in 1917. The report summarises all the presentations and discussions that took place at the conference in accordance with the thematic clusters. The conference confirmed that Kant’s ideas on the state and the revolution are still relevant today.

Keywords: Kant, theory of revolution, Russian Revolution, concept of the state, right of sedition, relation of morality and politics, problem of freedom.

On November 9–10, 2017, the Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU) held an international conference titled “‘No Right of Sedition’ Kant and the Problem of Revolution in the 18th–21st Century Philosophy.” The event was organised by the Academia Kantiana – a research unit in Russian and Western philosophy at the IKBFU’s Institute for the Humanities. Prof. Nina Dmitrieva, the scientific director of Academia Kantiana, instigated the event.

A plethora of academic events was held in 2017 to mark the centennial of the Russian Revolution. In Kaliningrad, the discussants adopted a historico-philosophical perspective on the phenomenon of revolution and the events that had taken place in Russia a century ago. Kant’s reflection on the French Revolution was intended as a starting point for the discussion. The participants were invited to trace and analyse transformations in the theory of revolution from Kant to the

¹ This work was supported from the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

² Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041 Russia.

Received 25.12.2017.

doi: 10.5922/0207-6918-2018-1-5

© Kornilaeв L. Yu., 2018

ших дней, чтобы прояснить влияние кантовских идей на последующие концепции и ответить на вопрос об их актуальности в настоящее время. Особое внимание предполагалось уделить концепциям революции, появившимся в непосредственной хронологической близости к Русской революции 1917 г.

На конференцию съехались ведущие исследователи из семи стран (России, Беларуси, Венгрии, Германии, Италии, Норвегии, США), которые представляли 11 университетов: МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ-ВШЭ, РГГУ, БФУ им. И. Канта, Белгородский государственный университет, Университет им. М. Лютера Галле-Виттенберга (Германия), Калифорнийский университет в Беркли (США), Белорусский государственный университет, Будапештский университет им. Лоранда Этвеша (Венгрия), Университет Павии (Италия), Университет Осло (Норвегия). Регламент конференции предусматривал выступления на одном из рабочих языков: русском, английском или немецком. Продуктивная коммуникация обеспечивалась работой переводчиков-синхронистов. Некоторые доклады были к началу конференции переведены письменно с немецкого языка на русский.

На открытии конференции с приветственным словом к гостям и участникам обратились ректор БФУ им. И. Канта А.П. Клемешев, директор Института гуманитарных наук Т.В. Цвигун и научный директор Академии Кантианы Н.А. Дмитриева.

Первая часть конференции была посвящена непосредственно Канту — его оценкам современных ему революционных событий, интерпретации им права на восстание, проблемы соотношения моральной и политической философии.

Кант и революция. Первые два доклада содержательно пересекались и отчасти полемизировали друг с другом. Как соотносятся моральная автономия Канта и государство? Как можно разрешить конфликт морального и политического в философии Канта? *Reidar Maliks* (Университет Осло) в докладе «Кант и теории революции XVIII века» предложил возможный ответ на этот вопрос. Для этого, с точки зрения докладчика, необходимо ограничить рамки исследования контекстом политических споров XVIII века — времени, когда творил Кант. Тогда оказывается возможным показать, что взгляды Канта были вполне конкурентоспособны в контексте современных ему дискуссий. Чтобы это обосновать, нужно сравнить кантовскую позицию с утилитаристской теорией вольфианской школы (Г. Ахенваль, Д. Нетельбладт, Х.Г. Шайденмантель, Л. Хёфнер) и существовавшими на тот момент республиканскими теориями (Л.Х. фон Якоб, Й.Б. Эрхард, И.А. Бергк, К.Г. Хейденрайх, И.Г. Фихте). Точка зрения утилитаристов вращается главным образом вокруг понятия материальной выгоды и общего блага. Кант не принимает эту теорию по той причине, что она основывается на ложных принципах. Счастье — не главный принцип государства. Кант был близок к другой позиции, а именно к немецкой республиканской традиции. Ее основным принци-

present day and to examine the current relevance of Kant's ideas and the effect they had on later concepts. The revolutionary conceptions that appeared around the time of the Russian Revolution in 1917 were to be the focus of the discussion.

The conference attracted academics from seven countries — Russia, Belarus, Germany, Hungary, Italy, Norway, and the USA. The delegates represented eleven universities — Belgorod State University, the Higher School of Economics National Research University (HSE, Moscow), the Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad), Lomonosov Moscow State University, the Russian State University for the Humanities (RSUH, Moscow), the Belarusian State University (Minsk, Belarus), the Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), the Martin Luther University Halle-Wittenberg (Germany), the University of Pavia (Italy), the University of California (Berkeley, USA), and the University of Oslo (Norway). The working languages were Russian, English, and German. Simultaneous interpreters ensured effective communication. Some of the presentations had been translated in advance from German into Russian.

The conference started with opening addresses from the IKBFU's Rector Prof. A. P. Klemeshev, the Director of the Institute for the Humanities Dr. T. V. Tsvigun, and the Scientific Director of *Academia Kantiana* Prof. N. A. Dmitrieva.

The first part of the conference focused on Kant, his views on the contemporary revolutionary events, his interpretation of the right of sedition, and the correlation between moral and political philosophies.

Kant and Revolution. The first two presentations explored related topics, although taking opposite stances. What is the correlation between Kantian moral autonomy and the state? How can the conflict between the moral and the political within Kant's philosophy be resolved? *Dr Reidar Maliks* (University of Oslo) suggested a possible answer in his presentation "Kant and 18th Century Theories of Revolution." He emphasised the need to confine investigations to the political debates of the 18th century. Kant's views prove perfectly viable in the context of the discussions. Dr Maliks compared Kant's position with the Wolffian utilitarian theory (G. Achenwall, D. Netellblatt, H.G. Scheidemann, L. Höffner) and the emerging republican theories (L. H. von Jakob, J. B. Erhard, J. A. Bergk, K. H. Heydenreich, J. G. Fichte). Key to the utilitarian perspective was the concept of material benefit and the common good. Kant rejected this theory as resting on false principles. Happiness is never the foundation of a state. Kant was inclined to follow the German republican tradition, which relied on the individual right to freedom, i.e., independence from the constraints of another

пом было индивидуальное право на свободу, которая понимается как независимая от чьего-либо частного выбора. Законная власть — не произвол отдельной воли, а общая воля. При всей близости Канту республиканских взглядов он их все же полностью не одобрял. Докладчик выделил две причины, по которым Кант мог быть против республиканской точки зрения. Во-первых, последствия роспуска правительства приводят к неразрешимому противоречию: если распущено правительство, то нет государства, а значит, нет права и нет коллективного агента — народа, который не может нести ответственность вне правовых структур. Во-вторых, если мы утверждаем, что государство, как и правительство, может быть распущено, мы допускаем возможность существования несправедливого государства.

Р. Маликс постарался продемонстрировать, что «приговор» Канту как полностью отрицающему «контестаторное гражданство»³ несправедлив. Кант не стремился сакрализовать государственную власть и повиновение, а активно входил в сложные и обширные споры о границах легитимности государства и условиях насильственного сопротивления.

Вадим Чалый (БФУ им. И. Канта) выступил с докладом «Моральный радикализм Канта против политического консерватизма Канта: бунтовать нельзя подчиняться». Для иллюстрации своих рассуждений докладчик обратился к образам Левиафана и Алексея Карамазова как «будущего революционера». Использование этих образов, с точки зрения В. А. Чалого, позволяет поставить вопрос о сочетании морального и политического плана в кантовской философии в нужном контексте. Докладчик полагает, что запрет на активное сопротивление власти наиболее сильно отражает разлом между кантовскими моральной и политической философией: моральная философия Канта требует автономии субъекта, но его политическая философия утверждает гетерономию субъекта. Таким образом, центральным оказывается вопрос: «Почему праведнику нельзя съесть Левиафана?»

В. А. Чалый рассмотрел имеющиеся стратегии ответа на этот вопрос: анархистский (Р. Ханна), либеральный (К. Корсгаард), республиканский (Р. Маликс), либерально-консервативный (К. Фликшу, К. Сарпренант). Сам докладчик склонен полагать, что в кантовской философии имеется противоречие, и кантовский запрет на революцию не свободен от теоретических проблем. Запрет на революцию имеет вес исключительно с точки зрения эмпирической антропологии. Согласно Канту, мы, полагает В. А. Чалый, не являемся праведниками или полностью моральными существами, готовыми без непоправимого вреда для себя «убить и съесть» Левиафана.

Этот тезис подкрепляется двумя аргументами. Во-первых, кантовская теория суверенитета содержит парадокс, по форме похожий на парадокс лжеца. Суве-

person's will. Legitimate power is the choice, not of an individual, but of a common will. Kant sympathised with republican views, but did not fully embrace them. Dr Maliks identified two reasons why Kant could have rejected such views. Firstly, a dissolution of the government leads to an unresolvable contradiction. No government means no state, therefore, no law and no collective agent — the people — who can assume responsibility in the absence of legal structures. Secondly, in supposing that the state — and the government — can be dissolved, we assert the possibility of an unjust state.

Dr Maliks tried to demonstrate that it was not entirely correct to say that Kant rejected the idea of “contestatory citizenship.”³ Kant did not consecrate either state power or obedience. On the contrary, he participated in comprehensive debates over the limits of state legitimacy and conditions for non-violent resistance.

Dr Vadim Chaly (IKBFU) gave a presentation titled “Kant’s Moral Radicalism vs. Kant’s Political Conservatism: Refrain not to Revolt is Right.” To prove his point, Dr Chaly invoked the image of Leviathan and that of Aleksey Karamazov — a revolutionary of the future. These images provided the context for further discussion about the moral and the political in Kant’s philosophy. The speaker considers that the ban on revolutionary action is a vivid illustration of a rift between Kant’s moral and political philosophies: Kant’s moral philosophy requires the autonomy of the subject, yet his political philosophy affirms the heteronomy of the subject. The central question, then, is: “Why should a righteous person not feast on the Leviathan?”

Dr Chaly examined possible strategies for answering this question — anarchistic (R. Hanna), liberal (C. M. Korsgaard), republican (R. Maliks), and conservative ones (K. Flikschuh, C. W. Surprenant). The speaker stressed that Kant’s philosophy contained a contradiction and that Kant’s prohibition on revolution was not free from theoretical problems. The ban on revolution is valid only from the perspective of empirical anthropology. Dr Chaly believes no one is righteous enough or moral enough in Kant’s terms to “slay and feast on” the Leviathan without doing irreparable harm to oneself.

This thesis is supported by two arguments. Firstly, the Kantian theory of sovereignty contains a paradox resembling the liar’s paradox. The sovereign in the first part of the *Groundwork of the Metaphysics of Morals* (1785) is merely a man “in need of a master” in the *Idea for a Universal History with a Cosmopolitan Purpose* (1784). Secondly, one can conduct a thought

³ Этот термин используется для обозначения «возможности (в том числе и предполагающей наличие законных процедур) граждан эффективно оспаривать решения властей, если они не отвечают их интересам» (Марей, 2017, с. 117).

³ This term is used by researchers to designate the legal possibility for citizens to contest decisions of authorities if these decisions do not accord with the interests of the citizens (see Marey, 2017, p. 117).

рен из первой части «Метафизики нравов» (1785) — это лишь человек, «нуждающийся в господине» из «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784). Во-вторых, уместен мысленный эксперимент, позволяющий свести к абсурду кантовское требование абсолютного подчинения власти. Докладчик предложил вообразить народ кантианцев, попавших под власть «узурпатора». Эта власть признается как минимальное государство в кантианском смысле. Ничто, кроме правосознания, не мешает кантианцам вернуться в естественное состояние и переучредить власть, но они предпочитают погибнуть, лишь бы торжествовал закон.

Таким образом, напряжение между моральной и политической теориями Канта полностью устранить не удастся. Запрет на активное сопротивление не имеет «чистого» формального обоснования, а подкрепляется пруденциальными, «эмпирическими» и потому вероятностными предостережениями об опасностях последствий. По мнению докладчика, политическая теория Канта подобна саркофагу, построенному над бурлящей реакцией «чистой моральной метафизики» с целью сдерживать ее взрывной потенциал.

Р. Маликс задал вопрос, правомерно ли считать Канта консерватором на основании его отказа в праве на революцию. С точки зрения Р. Маликса, в основе своих взглядов Кант — реформатор, предлагающий изменения на основании разума. В.А. Чалый полагает, что консервативная тенденция кантовской мысли имеет основание в том же, в чем Карл Шмитт видел основание для своего антропологического пессимизма. Кант сдержанно оценивает эмпирические перспективы человеческого существования. Это же характерно для многих консервативных мыслителей. Однако не стоит игнорировать либеральную составляющую его мысли с критикой патернализма и требованием защиты права.

Второй вопрос Р. Маликса касался мысленного эксперимента о «власти дьявола». В эксперименте появляется дьявол, наделенный злой волей, но кантовские рассуждения о революции относятся не к воле, а к праву, к легальным сущностям. С точки зрения Р. Маликса, выражение «власть дьявола» содержит внутреннее противоречие, эта власть не может состояться, настолько она несовершенна, и дьявол не смог бы получить власть над обществом с самого начала. В.А. Чалый же трактует «дьявола у власти» как политическую сущность, индивидуальную волю, узурпировавшую право выступать воплощением общей воли и использующую это право целиком в своих эмпирических целях. Обязательство подчиняться этой власти провозглашено Кантом на заключительных страницах «Учения о праве». Таким образом, власть дьявола относится сугубо к области эмпирического и не связана с моральными притязаниями.

Настоящее историческое расследование предложил Алексей Круглов (РГГУ) в докладе «Кант как немецкий теоретик французской революции: возникновение догмы в марксистско-ленинской философии». В качестве центральной догмы, история которой рассматри-

experiment that reduces Kant's demand for absolute obedience to absurdity. The speaker asked the audience to imagine a society of Kantians ruled by an "usurper." The usurper's authority constitutes a minimal state in the Kantian sense. Nothing, except for legal consciousness, stands in the Kantians' way to a better rule. However, they choose to perish in the name of the law.

Therefore, the tension between Kant's moral and political theories cannot be completely eliminated. The prohibition of active resistance has no "pure" formal justification, but is backed by prudential, "empirical," and, therefore, probabilistic warnings about the dangers of consequences. Dr Chaly compared Kant's theory to a sarcophagus built over the boiling reaction of the 'pure moral metaphysics' in order to contain the latter's explosive potential.

Dr Maliks asked whether Kant's ban on revolutionary action made the German philosopher a conservative. According to Dr Maliks, Kant's views reveal him as a reformer who proposes changes based on reason. Dr Chaly stressed that the conservative trend in Kant's thought was rooted in what C. Schmitt saw as the ground for his anthropological pessimism. Kant was cautious about the empirical prospects of human existence. This holds true for many conservative thinkers. However, one should not ignore the liberal component in Kant's reflection, his criticism of paternalism, and his demands for the protection of rights.

Dr Maliks's second question concerned the thought experiment about the "rule of the devil." The devil in the experiment is ill-willed. However, Kant's reflection on revolution focuses not on will but rather on law and legal entities. According to Dr Maliks, the phrase "the rule of the devil" is internally contradictory. This rule is impossible, because it is imperfect, and the devil could not have come to power in the first place. However, Dr Chaly interprets "the devil in power" as a political entity, an individual will that, pursuing some empirical goals, has usurped the right to act as a representative of the common will. Kant advances reasons for the obligation to obey such rule in the concluding pages of the "Doctrine of Right." Thus, the rule of the devil belongs to the realm of the purely empirical and has nothing to do with moral claims.

A genuine historical investigation was Prof. Alexei Krouglov's (RSUH) presentation "Kant as the German Theoretician of the French Revolution: The Origin of the Dogma in Marxist-Leninist Philosophy." The speaker examined Marx's remark about Kant's philosophy being the "German theory of the French revolution" (Marx, 1981, p. 80).

валась в докладе, выступает замечание Маркса о том, что «философию Канта можно считать немецкой теорией французской революции» (Маркс, 1955, с. 88).

В выступлении был поставлен ряд исторически важных вопросов и предложены подробные ответы на них. Где находятся истоки марксовского сравнения философии Канта и французской революции? Таким источником был Г. Гейне, хотя можно установить и его предшественников. Знали ли об этих домарксовских сравнениях в дореволюционной России? Да, этому сравнению симпатизировали и прямо ссылались на Гейне разные мыслители и писатели: П. Я. Чаадаев, В. С. Межевич, В. Ф. Эрн, А. И. Герцен и др. Так в России формировался облик революционного философа Канта. Оказали ли эти дореволюционные сравнения влияние на российскую социал-демократию? У основных фигур социал-демократии — Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, В. М. Шулятикова — нет сравнения философии Канта и французской революции.

Догмой цитата Маркса про «немецкую теорию французской революции» стала уже после революции, а в качестве канонической окончательно утвердилась лишь после окончания Великой Отечественной войны. Важный вопрос задал докладчику Н. А. Дмитриева: на каком основании вообще Маркс назвал философию Канта теорией Французской революции? Имелось в виду то, что Кант предвосхитил своей философией Французскую революцию или что он в своей философии ее проанализировал или даже оправдал? С точки зрения докладчика, ответ зависит от интерпретации и отталкиваться надо от другого вопроса: почему Маркс говорит именно о теории? На вопрос П. В. Резвых о том, почему именно Гейне стал формообразующим фактором в романтической интерпретации кантовской теории революции, А. Н. Круглов ответил, что у К. Ф. Бахмана есть намек на это: Кант сам сравнил себя с Коперником и назвал революционером. По-видимому, это признание Канта его интерпретаторы, романтик Гейне в частности, впоследствии использовали в социально-политическом контексте.

Революция и немецкая философия конца XVIII—XIX в. Второй блок докладов был посвящен теме распространения и восприятия в немецкой философии XIX в. идей Французской революции и идей Канта о ней.

Антонино Фальдудо (Университет им. М. Лютера) выступил с докладом «Эрхард, Фихте и Шиллер о праве народа на революцию». Гипотеза и основной тезис докладчика состоял в том, что идея о праве на революцию у трех авторов неразрывно связана с разделяемой ими общей теорией свободы. В первой части доклада А. Фальдудо соотнес некоторые высказывания Канта о свободе слова с идеями на эту тему в работе И. Г. Фихте «Востребование от государей Европы свободы мысли...» и работе Й. Б. Эрхарда «О праве народа на революцию». Фихте понимал под Просвещением коллективную работу. Рациональность предполагает наличие более чем одного рационального существа, и путь к рациональ-

Prof. Krouglov formulated a series of historically significant questions and proposed detailed answers to them. Who inspired Marx to draw a parallel between Kant's philosophy and the French revolution? The speaker replied that Marx had been inspired by Heinrich Heine, although similar thoughts had been voiced earlier. Were these pre-Marxian parallels known in pre-revolutionary Russia? They were, many Russian thinkers and scholars — P. Ya. Chaadaev, V. S. Mezhevich, V. F. Ern, A. I. Herzen, and others — either mentioned these parallels or referred to Heine. This is how the image of Kant as a revolutionary philosopher emerged in Russia. Did these pre-revolutionary parallels affect the Russian social democrats? The icons of social democracy — G. V. Plekhanov, V. I. Lenin, V. M. Shulyatkov — did not draw parallels between Kant and the French Revolution.

Marx's phrase about the German theory of the French Revolution turned into a dogma after the revolution and it became canonical after the Great Patriotic War. Prof. N. A. Dmitrieva asked the speaker an important question as to why Marx called Kant's philosophy a *theory* of the French Revolution. In other words, did Kant's philosophy anticipate the French Revolution or did Kant analyse or even justify the revolution in his philosophy? The speaker believes that the answer depends on the interpretation. One should rather ask why Marx wrote about Kant's philosophy in terms of a *theory* of revolution. P. V. Rezvykh asked why Heine had made such a major contribution to the romantic interpretation of Kant's theory of revolution. Prof. Krouglov replied that K. F. Bachmann had hinted at it — Kant had compared himself to Copernicus, calling himself a revolutionary. Apparently, this confession of Kant was later used by his interpreters, such as the romantic Heine, in a socio-political context.

The Revolution and 18th–19th Century German Philosophy. The second part of the conference focused on the dissemination and perception of the ideas of the French Revolution and Kant's views on the subject in 19th century German philosophy.

Dr Antonino Falduto (Martin Luther University Halle-Wittenberg) gave a presentation entitled "Erhard, Fichte, and Schiller on the People's Right to a Revolution." The speaker's hypothesis and key thesis were that all the three authors had linked the idea of the right of revolution to a general theory of freedom. In the first part of his presentation, Dr Falduto juxtaposed some of Kant's statements regarding freedom of speech and relevant ideas found in J. G. Fichte's *Reclamation of Freedom of Thought from the Princes of Europe* (*Zurückforderung der Denkfreiheit von den Fürsten Europas*) and J. B. Erhard's *On the Peo-*

ности лежит через intersubjectивность. Фихте трактует свободу мысли только через свободу вообще. Свобода мысли является обосновывающим условием возможности существования свободного «Я». Такое понимание свободы становится у Фихте ядром для оправдания права народа на революцию. Подобно Фихте, Эрхард утверждает, что право на революцию неразрывно связано с естественными и неотчуждаемыми правами человека. Свобода мысли обеспечивается свободой слова, что, в свою очередь, является необходимым условием для реализации человеческого существа как рационального и нравственного. Из этого положения и Фихте, и Эрхард выводят право народа на революцию.

Во второй части доклада анализировались возможные основания для позитивной оценки права на революцию в трех текстах: «К исправлению суждений публики о французской революции» (1793) Фихте, «О праве народа на революцию» (1795) Эрхарда и «Письма об эстетическом воспитании человека» (1795) Шиллера. Сравнение этих текстов, с точки зрения докладчика, также указывает на неразрывную связь теории революции и понятия свободы. Особенно очевидно это в работах Фихте, у которого право на революцию вытекает из долга, выраженного моральным законом. У нас есть право на революцию, потому что у нас есть право быть тем, кем мы на самом деле являемся, а именно самими собой.

Петр Резвых (НИУ ВШЭ, Москва) представил доклад на тему: «Шеллинг и революция: государство как средство». На первый взгляд, позиция Й.Ф.В. Шеллинга в отношении революции кажется не вполне последовательной. Французская революция и в юности, и в зрелые годы воспринималась им скорее позитивно, тогда как реакция на революции 1830 и 1848 гг. была резко критической. Критические оценки революции у зрелого и позднего Шеллинга обычно рассматриваются исследователями как «симптом политического конформизма». П.В. Резвых же предложил выявить истоки такого отношения к революции через прояснение рецепции некоторых кантовских понятий. Кроме того, в выступлении были рассмотрены рассуждения Шеллинга о государстве на всех этапах его творчества.

Все высказывания Шеллинга по политическим вопросам имели базовую установку: государство рассматривается как несамодостаточный переходный институт, подлежащий преодолению в ходе исторического процесса. Начиная с небольшого рукописного фрагмента «Первая программа системы немецкого идеализма» (точное авторство текста так и не удалось установить, но есть основания полагать, что он является результатом совместных интеллектуальных усилий кружка, к которому принадлежали Шеллинг, Гегель и Гёльдерлин), П.В. Резвых проанализировал шеллинговские размышления, в которых прослеживается формирование негативной оценки государства. Негативное отношение к государству — это не столько предвосхищение идей анархизма, сколько последовательное развитие идеи разумно-чувственной религии, развернутой Кантом

ple's Right to a Revolution (Über das Recht des Volkes zu einer Revolution). Fichte saw the Enlightenment as a collective effort. Rationality suggests that there is more than one rational being and that rationality is attained through intersubjectivity. For Fichte, freedom of thought is indivisible from freedom in general. Freedom of thought is an underlying condition for the possibility of one's free self. Such an understanding of freedom constitutes the core of Fichte's justification of the people's right to a revolution. Erhard stresses that the right to a revolution is closely linked to natural and inalienable human rights. Freedom of thought rests on freedoms of speech, which is a necessary condition for the rational and moral existence of a human being. Both Fichte and Erhard derive the right of the people to a revolution from this assumption.

In the second part of his report, Dr Falduto analysed possible grounds for positive attitudes to the right to revolution, which were expressed in three texts. These are Fichte's 1793 *Contribution to the Rectification of the Public's Judgement of the French Revolution (Beitrag zur Berichtigung der Urtheile des Publicums über die französische Revolution)*, Erhard's 1795 *On the People's Right to a Revolution*, and Schiller's 1795 *Letters Upon the Aesthetic Education of Man (Briefen Über die ästhetische Erziehung des Menschen)*. A comparison of these texts, the speaker stressed, revealed a connection between theories of revolution and the concept of freedom. This connection is particularly evident in the works of Fichte, who derived the right of revolution from duty manifested in the moral law. We have the right to revolt, because we have the right to be who we are, namely, ourselves.

Dr Petr Rezvykh (HSE) gave a presentation titled "Schelling and the Revolution: The State as a Means." At first glance, J.F.W. Schelling's position does not seem consistent. In his youth and mature years, Schelling approved of the French Revolution, whereas his reaction to the revolutions of 1830 and 1848 was sharply critical. Schelling's criticism of revolutions, which he voiced in his senior years, is often interpreted as a symptom of political conformism. Dr Rezvykh attempted to identify the philosophical origins of Schelling's attitude to revolutions and prove that it is rooted in an original reception of Kantian concepts. The presentation examined Schelling's views on the state expressed throughout his life.

From the very beginning, all of Schelling's statements on different aspects of political philosophy expressed the belief that the state is an incomplete transient institution that has to be overcome in the course of history. Dr Rezvykh analysed Schelling's criticism of the state starting from "The Oldest Systematic Pro-

в трактате «Религия в пределах только разума», и программы эстетического воспитания у Шиллера. В работах 1810–1820-х гг. Шеллинг явно опирается на кантовскую концепцию двух — эмпирического и интеллигибельного — характеров субъекта и кладет ее в основу своего толкования государства как необходимого следствия радикального зла, проявляющегося в реализации конечной свободы в форме ее отпадения от своего абсолютного источника. В «Философских исследованиях о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах» и «Штутгартских лекциях» укрепляется позиция о государстве как побочном следствии утраченного внутреннего духовного единства. Стремление преодолеть государство путем революции предстает как воспроизведение неразрешимого противоречия, образующего внутреннюю сущность самого государства. В лекциях 1830–1850-х гг. центром размышлений Шеллинга становится толкование понятия закона, в котором синтезируются кантовское учение о категорическом императиве и концепция радикального зла. Согласно П. В. Резвых, Шеллинг здесь трактует государство как форму действия закона в условиях исторически свершившейся актуализации зла. Государство, понимаемое как средство реализации внутренней свободы, — это одновременно и препятствие, и негативное условие этой реализации. В заключение П. В. Резвых рассмотрел записи Шеллинга во время революционных событий 1848 г. и его переписку с баварским королем Максимилианом II. В качестве вывода прозвучал тезис о том, что в соответствии с установкой на понимание государства как средства Шеллинг противопоставляет революции концепцию ограничения государства как такового.

А. П. Козырев задал вопрос о близости шеллингианского понимания государства к гностическому. Действительно, это предположение верно, считает П. В. Резвых. Заинтересованность Шеллинга гностическими идеями прослеживается с самых ранних этапов творчества, с тюрингенских теологических штудий.

Андрей Майданский (Белгородский государственный университет) выступил с докладом «Феноменология труда и фурия революции (об идеализме политической теории Маркса)». В своем докладе А. Д. Майданский пытается доказать, что идея пролетарской революции была родным детищем идеалистической философии, а не материалистического понимания истории. Докладчик предлагает обратиться к моменту появления у Маркса материалистической концепции истории и связывает это с изучением гегелевской «Феноменологии духа». Маркс представляет гегелевскую «Феноменологию духа» как феноменологию отчужденного труда, где дух и труд одинаково стремятся к свободе, к развитию своих творческих потенций. Высшим феноменом и духа, и труда оказывается наука. Возникают резонные вопросы: так, может быть, вовсе не политическая, а именно научная революция открывает дорогу к «царству свободы»? Каково место политической революции на лестнице исторического развития духа и труда?

gramme of German Idealism” — a 1796 tract of unidentified authorship that is usually attributed to Schelling, Hegel, and Hölderlin. A negative attitude towards the state is not an anticipation of anarchism, but rather a logical development of a sensible and rational religion, which Kant described in *Religion within the Boundaries of Mere Reason*, and of Schiller’s aesthetic education. Schelling’s works of the 1810s-20s are based explicitly on Kant’s concept of the two — the empirical and the intelligible — characters of the human being. Thus, the state was defined as a necessary consequence of radical evil manifested in an exercise of finite freedom — the falling-away from the absolute source. In the *Philosophical Inquiries into the Essence of Human Freedom* and the *Stuttgart Private Lectures*, Schelling was developing an idea of the state as a by-product of the loss of internal spiritual unity. The aspiration to overcome the state externally, i.e., through revolutionary destruction, was interpreted as the reproduction and entrenching of the irreconcilable contradiction lying at the heart of any state. In the 1830s-50s, Schelling focused on an interpretation of the law that combined Kant’s doctrine of the categorical imperative with the concept of radical evil. According to Dr Rezvykh, Schelling considered here the state as the functioning of law amidst materialised evil. The state, understood as a means for the realisation of the internal freedom of the human being, is both an obstacle and a negative condition for this realisation. In his conclusion, Dr Rezvykh examined Schelling’s notes dated 1848 and his correspondence with Maximilian II of Bavaria. The speaker stressed that Schelling had counterposed to revolution limitations imposed on the state.

Dr A. P. Kozyrev asked about similarities between Schelling’s understanding of the state and gnosticism. Dr Rezvykh confirmed the viability of the hypothesis. Schelling’s interest in gnosticism is evident in his earliest works, for instance, the Tübingen theological studies.

Prof. Andrey Maidansky (Belgorod State University) gave a presentation on the “Phenomenology of Labour and the Fury of Revolution (On the Idealism of Marx’s Political Theory).” He attempted to prove that the idea of proletarian revolution was a product of idealistic philosophy rather than of a materialistic understanding of history. The speaker addressed the emergence of Marx’s materialistic concept of history and linked it to the study of Hegel’s *Phenomenology of Spirit*. Marx presented Hegel’s *Phenomenology of Spirit* as a phenomenology of alienated labour, where spirit and labour unite in their striving for freedom and for unlocking creative potential. The supreme manifestation of both spirit and labour is science. What paves

С одной стороны, Гегель в «Феноменологии духа» изображает революцию как «фурию исчезновения», несущую за собой только смерть. Марксу была известна эта позиция, и ему предстояло разработать *позитивное* содержание политических революций. С другой стороны, капиталистическая формация не может погибнуть раньше, чем исчерпает все возможности развития производительных сил на почве разделения труда и частной собственности. В таком случае политическая революция совершается только в надстройке и не решает ничего. Кроме того, наука стирает саму границу между свободным и рабочим временем. Дихотомия свободного и рабочего времени противоречит материалистическому пониманию истории. Докладчик полагает, что эта концепция унаследовала свой революционный дух от немецкой идеалистической философии, и это наследство деформировало теорию Маркса в тех пунктах, где речь идет о пролетарской революции и освобождении труда. На основании этих аргументов А.Д. Майданский делает вывод, что попытка Маркса приручить «фурию» политической революции и заставить ее служить высшим интересам человечества потерпела крах, следствием чего стало вырождение учения Маркса в вульгарную псевдомарксистскую догматику — «истмат».

Доклад Хайнера Клемме «Карл Шмитт или Кант? Размышления о праве, государстве и революции» начался с представления картины празднования 25-летнего юбилея Кантовского общества в 1929 г. Х. Клемме отметил, что на мероприятие среди прочих были приглашены Х. Фраер и К. Шмитт, которые в Кантовское общество не входили. После 1933 г. они «заключают сделку с дьяволом и станут глашатаями так называемой консервативной революции».

Х. Клемме обратился к анализу националистической концепции государства, которую представил Шмитт, во-первых, в докладе на конгрессе в Галле, где он использует идею Канта о запрете на восстание, во-вторых, в работе «Государство, движение, народ. Триада политического единства» 1933 г., которая дает четкое представление, почему Шмитта называют «коронованным юристом Третьего рейха». Х. Клемме в деталях показал, насколько политическая концепция Шмитта противоречит кантовским принципам. В своих рассуждениях Шмитт стремился легитимировать национал-социалистское государство, которое якобы преодолевает либерально-демократическую схему государственного устройства, унаследованную из XIX в. Отличительной чертой этой схемы было введение понятия «еврейский дух», которое олицетворяло людей, выступающих за либеральное конституционное государство. Как следствие, появилась идея трактовки государства как института, более не являющегося посредником между интересами и ценностными установками своих граждан, а имеющего характер «политической общности» как единства «государства», «движения», «народа». Нетрудно понять, что такая трактовка государства и политики диаметрально противоположна

the way to the kingdom of freedom? Probably not a political, but rather a scientific revolution. What is the role of political revolution in the historical development of spirit and labour?

Firstly, in the *Phenomenology of Spirit*, Hegel pictured the revolution as the “fury of vanishing” that brings only death. Marx was familiar with this idea and he had to give a *positive* content to political revolutions. Secondly, the capitalist formation may perish before it has exhausted all the resources for the development of productive forces based on the division of labour and private property. In this case, a political revolution extends solely to the superstructure and it does not solve anything. Thirdly, science erases the boundary between free time and office hours. The dichotomy between them contradicts the materialistic understanding of history. According Prof. Maidansky, the latter inherited its revolutionary spirit from German idealistic philosophy. This inheritance distorted Marx’s theory insofar as it was concerned with a proletarian revolution and the emancipation from labour. Based on these arguments, Prof. Maidansky concluded that Marx’s attempt to tame the “fury” of political revolution, to subdue it, and to make it serve the highest interests of humanity had failed. As a result, Marx’s doctrine degenerated into a vulgar pseudo-Marxist dogma — the Soviet official version of historical materialism.

Prof. Heiner Klemme’s presentation titled “Carl Schmitt or Kant? An Attempt at Some Reflections on Right, State, and Revolution” began with the showcase of a picture of the celebration of the 25th anniversary of the *Kant Gesellschaft* in 1929. Although not members of the Society, H. Freyer and C. Schmitt also attended the event. After 1933, they “made a deal with the devil and became the heralds of the so-called conservative revolution.”

Prof. Klemme analysed the concept of a national state, which Schmitt had presented at a congress in Halle (he invoked Kant’s idea on the ban on revolution) and in his 1933 work *State, Movement, People*, which gives a clear picture of why Schmitt is known as the “crown jurist of the Third Reich.” Prof. Klemme showed in detail how Schmitt’s political concept contradicted Kant’s principles. Schmitt strived to legitimate the national socialistic state, which had allegedly overcome the 19th century liberal democratic structure of the state. He introduced the concept of “Jewish spirit,” which was used to refer to people who supported the idea of a liberal constitutional state. This gave rise to the idea of a state as an institution that was no longer a mediator between the interests and values of citizens but had become a “political union,” a combination of the state, movement,

на правовому и политическому учению Канта. У Канта политика и ее цель состоят прежде всего не в единстве государства, а в реализации права, то есть воплощении свободного порядка, основанного на всеобщей и совместной воле. Национал-социалистское государство, если посмотреть на него с кантовских позиций, — это, по определению, неправовое государство: государство, само себя расформирующее своим же законодательством. По-видимому, Шмитт в том докладе, который он прочел в Галле в 1929 г., пытался, ссылаясь на кантовский запрет на восстание, уменьшить ту дистанцию, которая отделяет его взгляды от кантовских.

Насколько соотносим кантовский запрет с опытом тоталитарных режимов XX и XXI вв.? Клемме делает вывод, что философия Канта не может быть использована идеологами «тотального государства» в своих интересах, в чем состоит ее несомненное преимущество. На вопрос Т. Крауса о том, что понимается под тоталитарным режимом, Х. Клемме уточнил, что речь идет о тотальном государстве, у гражданина которого на всем протяжении его жизни не может возникнуть даже мысли о дистанции между ним и государством.

Революция и русская философия. Третья группа докладов была посвящена восприятию и осмыслению феномена революции в России.

Алексей Козырев (МГУ им. М.В. Ломоносова) представил доклад «Религия и революция: опыт русской интеллигенции». Доклад был посвящен оценкам революций 1905 и 1917 гг. в русской интеллектуальной среде этого периода. Основным посылом доклада стало утверждение об использовании религиозного дискурса при осмыслении революционных потрясений их современниками. На раннем этапе революции весьма распространены попытки легитимизировать ее как «дело Христова». Христос превращается в идеолога социального протеста, «бунтующего человека», а христианство — в религию социальной революции. В воспоминаниях русских философов автор доклада отметил наличие внутреннего конфликта, в котором находились изначальные духовные идеи с глубоко бездуховным содержанием будущих событий. В подтверждение этого в выступлении приводились цитаты Н.А. Бердяева, В.Ф. Эрн, В.П. Свенцицкого, Е.Н. Трубецкого, Б.Л. Пастернака, П.А. Флоренского, А.А. Блока. В заключение А.П. Козырев указал на то, что и для осмысления современных революций зачастую используется религиозный дискурс. Революция и сегодня мыслится как более чем политический феномен, а в революционном языке по-прежнему опасно эксплуатируются «предрассудки», от которых она сама призывает освободиться.

Докладом «“Революция” и “Апокалипсис” Розанова: между концом и обновлением» тему восприятия революции в России продолжил *Андрей Тесля* (БФУ им. И. Канта). Он отметил, что В.В. Розанов не являлся ни политическим журналистом, ни политическим философом, поэтому ко всем его высказываниям по вопросам политического нужно относиться внимательно, так как есть

and the people. Obviously, such an interpretation is the opposite of Kant's legal and political doctrine. For Kant, the goal of politics is not the unity of the state but the rule of law, which is a manifestation of liberal order based on a common and universal will. From a Kantian point of view, the national socialist state is, by definition, an outlaw state — a state whose legislation causes it to disintegrate. Probably, in his 1929 Halle presentation, Schmitt invoked Kant's ban on revolution to shorten the distance between his own views and the Kantian ones.

How can the Kantian ban on revolution be interpreted in the context of the 20th and 21st century totalitarian regimes? Klemme concluded that Kant's philosophy could not be used by ideologists of the total state. This is an obvious advantage of the German philosopher's teaching. Answering Prof. T. Krausz's question as to what a totalitarian regime is, Prof. Klemme specified that, in a total state, citizens could not imagine a distance between them and the state at any point in their lives.

Revolution and Russian Philosophy. The third part of the conference focused on how the phenomenon of revolution was perceived in Russia.

Dr Aleksey Kozyrev (Lomonosov Moscow State University) spoke on “Religion and Revolution: The Case of Russian Intelligentsia.” The presentation addressed the perception of the 1905 and 1917 revolutions in the Russian intellectual circles of the time. Dr Kozyrev investigated how the religious discourse was used in the interpretations of the revolutionary shocks. In the beginning, there were many attempts to legitimise the revolution as a *work of Christ*. Jesus was being turned into a rebel, an ideologist of social protests, and Christianity into a religion of social revolution. The memoirs of Russian philosophers betray an internal conflict between these spiritual ideas and the unspiritual events that followed. To prove his point, the speaker provided quotations from N. A. Berdyaev, V. F. Ern, V. P. Svetsitsky, E. N. Trubetskoy, B. L. Pasternak, P. A. Florensky, and A. A. Blok. In conclusion, Dr Kozyrev emphasised that contemporary revolutions were often analysed through the prism of religious discourse. A revolution is more than a political phenomenon and the revolutionary language plays a dangerous game with the prejudices that it strives to exterminate.

In his presentation titled “*Roazanov's Revolution and Apocalypse: Between End and Rebirth*,” *Dr Andrey Teslya* (IKBFU) stressed that V. V. Roazanov had been neither a political journalist, nor a political philosopher. Thus, one should be cautious not to draw any parallel between Roazanov's completely unrelated statements. The political revolution did not interest

риск смешать его высказывания принципиально различного порядка. Политическая революция не была предметом особенного интереса Розанова, что вполне закономерно, поскольку, во-первых, в центре его внимания находилось то, что для внешнего взгляда определяется как «быт», и, во-вторых, именно этим — повседневным устройством жизни на уровне конкретных людей и сообществ — определяется, согласно Розанову, смысл и наполнение институций. Розанов говорил не столько о революции, сколько о том, что через нее открывается. В этой связи докладчик обратился к розановским оценкам события 1917 г. в работе «Апокалипсис нашего времени» и сделал вывод, что она, несмотря на идеи о крушении России после революции и конце христианства, была оптимистичной в отношении будущего.

С докладом «Позднее славянофильство и всемирная революция» выступил Борис Межуев (МГУ им. М. В. Ломоносова). Первый тезис, который он попытался обосновать в своем докладе, — о невозможности до конца философски выработать фундированную антиреволюционную позицию. Революция тотальна, о чем свидетельствует парадоксальное сочетание позднего славянофильства и всемирной революции. Революция — всегда мировая революция. Автор доклада предложил использовать термин «контрмодерн», под которым понимается идея сакрального авторитета, сакральной власти. В связи с этим выдвигаются следующие два тезиса: контрмодерн является событием не менее революционным, чем модерн; современный мир есть сочетание модерна и контрмодерна. Вместо столкновения революции с консервативным старым порядком на деле имеет место парадоксальное столкновение разных разнонаправленных революций. Антиреволюция всегда получает черты сходства с собственно революцией. Альтернативные революционеры должны также апеллировать к ценностям свободы слова, собрания, совести, ссылаться на поправные права человека. В итоге переплетение революций становится настолько тесным, что реакционные цели альтернативной революции оказываются заслоненными и отставленными на второй план ее освободительными средствами.

Этот парадокс революции оказывается фундаментальным, полагает Б. В. Межуев, для всего течения общественной мысли последних трех веков, включая наше время. Идея мировой революции была даже у самых консервативных мыслителей Российской империи. Любопытным фактом является то, что императорская Россия до 1917 г. сама революционизируется. По мнению Б. В. Межуева, Россия к 1915 г. уже была «беременная» идеей мировой революции, что подтверждает тезис о тотальности революции. Мир современной цивилизации также представляет собой парадоксальное сочетание модерна и контрмодерна при видимом торжестве первого. Любая цивилизация — это прежде всего укрощенная революция, поставленная на службу интересам конкретного социального порядка.

Т. Г. Румянцева спросила докладчика, что же в свете сказанного следует считать революцией. Б. В. Межу-

ev said that the revolution was not just a local event, but a global one. Firstly, he focused on what would seem to be everyday routines to an external observer. Secondly, Rozanov believed that the everyday lives of people and communities determined the shapes and contents of institutions. He was preoccupied not with the revolution itself, but rather with what it was paving the way for. The speaker considered Rozanov's reflection on the 1917 events presented in *The Apocalypse of Our Time*. Dr Teslya concluded that, although Rozanov had written about the collapse of Russia after the revolution and the end of Christianity, the book was still optimistic about the future.

Dr Boris Mezhuев (Moscow State University) gave a presentation on "Late Slavophilia and World Revolution." He advanced a thesis about the impossibility of a philosophically grounded anti-revolutionary position. The revolution is universal, of which the paradoxical union between late Slavophilia and world revolution was indicative. Any revolution is world revolution. The speaker proposed the term "counter-modernity" to refer to the idea of a sacred authority. He advanced two theses. Firstly, counter-modernity is as revolutionary as modernity itself. Today's world is a combination of modernity and counter-modernity. We are witnessing not a clash between a revolution and the old conservative order, but a paradoxical collision between two differently directed revolutions. All anti-revolutions resemble the preceding revolution. Alternative revolutionaries should also appeal to the values of freedom of speech and conscience and speak of the violation of human rights. As a result, the revolutions intertwine so closely that the reactionary goals of the alternative revolution are overshadowed by its liberating means.

Dr Mezhuев believes that this paradox has been inherent in the social thought of the last three centuries. The idea of world revolution was voiced by the most conservative thinkers of the Russian Empire. Pre-1917 Imperial Russia was becoming increasingly revolutionary. As early as 1915, Russia was pregnant with the idea of total revolution. Today's civilisation is a paradoxical combination of modernity and counter-modernity, in which the former is prevalent. Any civilisation is, in essence, a tamed revolution that has been conditioned to serve the interests of a certain social order.

After the presentation, Prof. T. G. Romyantseva asked Dr Mezhuев what, in the light of the above, could be considered a revolution. Making reference to the theory of revolutionary waves, the speaker explained that a revolution is any event that brings about a ripple effect, leading to a series of similar events in other countries. Everything that spreads is a revolution and nothing local can be considered one.

ев отослал к теории революционных волн и пояснил, что революция — то, что порождает серию аналогичных выступлений в других странах, создавая эффект заражения. Все, что имеет такой волнообразный характер, — это революция, а то, что имеет локальный характер, революциями считать нельзя. В заключение Б. В. Межуев сделал вывод о том, что невозможно выработать кантиански последовательную объективную позицию оценки революции.

«Александр Богданов о революции в России и путях построения социализма» — тема доклада *Татьяны Румянцевой* (Белорусский государственный университет). В своем выступлении Т. Г. Румянцева остановилась на рассмотрении разногласий в понимании революции Богдановым и большевиками до Октябрьской революции, а также позиции Богданова относительно природы и сущности реального социализма первых десятилетий Советской власти. Автор доклада коснулась выдвинутой Богдановым программы обновления общества на социалистических началах и возможности формирования фундаментально новых социальных структур. Разработку такой программы Богданов предпринял в своей «всеобщей организационной науке» — тектологии. В конце выступления докладчик попыталась ответить на вопрос о том, какие идеи Богданова могут быть актуальны в настоящее время. Т. Г. Румянцева констатировала, что творчество Богданова довольно трудно исследовать не только потому, что интерпретации его концепции чрезвычайно противоречивы, но и потому, что по-разному оцениваются отдельные стороны его учения. Размышления Богданова о революции и после-революционном устройстве показывают, что в его лице мы имеем дело с «романтиком Революции», не способным принять идею удержания власти любой ценой.

Теория революции. Четвертый блок докладов носил в большей мере теоретическую направленность. Доклад *Тамаша Крауса* (Будапештский университет им. Лоранда Этвеша) «Разработка Лениным концепции государства, демократии и революции» был посвящен преимущественно рассмотрению книги В. И. Ленина «Государство и революция», которая остается по сей день одной из самых влиятельных и читаемых в мире его книг, несмотря на то что многие ее идеи не получили реализации в истории. Это связано с тем, что книга стала своеобразной философией Октябрьской революции. Работа Ленина была не о подчинении общества государству, а скорее наоборот — о подчинении государства обществу. В связи с этим в книге сильна тема смерти государства как процесса «уничтожения классов». Государство, которое возникло в период революции, представлено в книге как институт переходного периода, создающий условия для социализма первой ступени на пути к коммунизму.

Докладчик показал, что, несмотря на имеющиеся в исследовательской литературе и публицистике кардинально противоположные интерпретации позиции Ленина — от монархических до либеральных, в их основе лежит одна и та же авторитарная философия

In conclusion, Dr Mezhuev stressed the impossibility of producing a consistent Kantian position for reflections on revolutions.

Prof. Tatyana Rumyantseva (Belorussian State University) gave a presentation on “Aleksandr Bogdanov on the Revolution in Russia and Paths to Socialism.” The speaker addressed the differences between Bogdanov and the Bolsheviks in their understanding of revolution before the October events. Another focus was Bogdanov’s position on the nature of socialism in the first decades of Soviet rule. Prof. Rumyantseva commented on Bogdanov’s programme for the socialist transformation of society and on the possibility of creating entirely new social structures. Bogdanov attempted to devise such a programme in his *Tektology: Universal Organisation Science*. In conclusion, the speaker tried to answer the question as to which of Bogdanov’s ideas were still relevant. It is difficult to study Bogdanov’s *œuvre*, not only because the interpretations of his concepts are often contradictory, but also because different aspects of his teaching are treated very differently. Bogdanov’s reflections on the revolution and post-revolutionary order show that he was a “revolutionary romanticist” who rejected the idea that power had to be retained no matter the cost.

Theory of Revolution. The fourth part of the conference focused on theory. *Prof. Tamás Krausz* (Eötvös Loránd University Budapest) spoke on “Lenin’s Conceptualization of State, Democracy, and Revolution.” The presentation addressed Lenin’s book *The State and Revolution*, which remains one of the most influential and popular works of Lenin to this day. However, not all the ideas explored in it were put into practice. The book provided a philosophical framework for the October Revolution. Lenin’s work is not about subordination to the state but rather about a state that is subordinate to society. The book lays emphasis on the death of a state as the process of elimination of classes. A state that is created by a revolution is presented as a transient institution, a mere preparation for socialism, and the very first step towards communism.

Prof. Krausz has shown that, although there are opposite — from monarchist to liberalist — interpretations of Lenin’s position in academic and popular literature, all of them rely on the same authoritarian philosophy and politics. Lenin’s idea of the elimination of the state diverges from that of the anarchist. When political authority disappears, the relations of subordination do not vanish all at once. In the vacuum that followed the February events, Lenin was preoccupied with creating an institutional framework for the revolutionary class. The word “party” is not used

и политика. Идея Ленина о ликвидации государства расходится и с анархистской концепцией. С исчезновением политической, государственной власти отношение подчинения не будет прекращено немедленно. В условиях вакуума власти после Февраля Ленина заботил вопрос об институциональной оформленности революционного класса. Неслучайно слово «партия» не фигурирует в книге как форма будущей власти. Для Ленина классы и партии уже не существуют в теоретически очерченном самоуправляемом социализме.

После Октября разрыв между теоретическим горизонтом «Государства и революции» и реальным политическим положением сильно увеличился. Социалистическая революция и социализм стали конкретной исторической возможностью для человечества. Но в 1920-е гг. «диктатура пролетариата» была преобразована в «диктатуру Коммунистической партии», которая оказалась в резком контрасте с оригинальными идеями революционной легитимации Ленина. Правда, однопартийная система не была включена в Конституцию 1936 г. — это произошло только в 1977 г. после изменения конституции, что, по мнению докладчика, стало датой официального отказа от самоуправляющегося социализма. Падение советской власти показало несостоятельность выбранного пути развития государства, который был очень далек от первоначальных идей Ленина.

Джузеппе Коспито (Университет Павии) представил доклад «Проблематика революции у Грамши (между Кантом и Марксом)», в котором шла речь о размышлениях Грамши о соотношении кантовской моральной философии и марксистской теории революции, а также рассматривалась реакция Грамши на революционные события в России. По мнению Дж. Коспито, в основе оценок Грамши лежит тезис, явно обнаруживающийся в «Тюремных тетрадах». Согласно Грамши, в современном обществе, поделенном на классы, категорический императив Канта является пустой и статичной формой, которую можно наполнить любым исторически злободневным содержанием. Грамши, конечно, очень хорошо понимал, насколько такая интерпретация далека от исходного смысла кантовского морального учения. Однако фундаментальная проблема состоит в том, что пока существуют классовые различия и вместе с ними угнетение и эксплуатация низших слоев, невозможно группам и индивидам реализовать ту автономию, которая, по Канту, является основополагающим свойством морального поведения.

В «Тюремных тетрадах» Грамши много полемизирует с морально-политическими идеями Канта. Важно помнить, что Грамши не был профессиональным историком философии, а «Тюремные тетради» представляют собой фрагментарное сочинение, написанное тяжелобольным политзаключенным. Тем не менее интересно было бы задаться вопросом об источниках всех этих размышлений. С одной стороны, полагает Дж. Коспито, это итальянская рецепция кантианства в конце XIX — начале XX в. (Б. Спавента и Дж. Джентиле),

in the book to describe the future form of governance. For Lenin, neither classes nor parties can exist within theoretically defined and self-governed socialism.

After the October Revolution, the gap between the theory of *The State and Revolution* and the actual state of affairs started to grow. A socialist revolution and socialism became an actual possibility. However, in the 1920s, the “dictatorship of the proletariat” turned into a “dictatorship of the Communist Party,” which was the complete opposite of Lenin’s original idea of revolutionary legitimisation. The one-party system was not enshrined in the 1936 Constitution. This happened only in 1977 — the year, according to Prof. Krausz, when the idea of self-governing socialism was officially abandoned. The fall of the Soviet rule showed the inadequacy of the chosen path, which had diverged dramatically from Lenin’s ideas.

Dr Giuseppe Cospito (University of Pavia) spoke on “The Revolution in Gramsci (Between Kant and Marx).” He examined Gramsci’s reflections on the relation between Kant’s moral philosophy and Marx’s theory of revolution. The speaker addressed Gramsci’s reaction to the revolutionary events in Russia. According to Dr Cospito, Gramsci based his reflection on the thesis that had been advanced in the *Prison Notebooks*. According to Gramsci, in a class-based society, Kant’s categorical imperative was an empty and static receptacle that could be filled with any urgent content. Of course, Gramsci understood that such an interpretation deviated considerably from Kant’s moral teaching. However, the basic problem is that class difference and ensuing exploitation and oppression of the lower classes prevents groups and individuals from exercising their autonomy, which, according to Kant, is key to moral behaviour.

In the *Prison Notebooks*, Gramsci questions Kant’s ideas on morals and politics. Gramsci was not a professional historian of philosophy and the *Prison Notebooks* was a rather fragmentary work produced by a terminally ill political prisoner. What inspired his thoughts, however, is interesting. Dr Cospito believes that Gramsci derived inspiration from the 19th/early 20th century Italian receptions of Kantianism (B. Spaventa and G. Gentile), on the one hand, and, on the other hand, the interpretation of Kant proposed by P. Martinetti. The famous philosopher from Turin emphasised the religious and ethical aspects of Kant’s critique and believed in the priority of practical reason over the theoretical one, because, according to him, practical reason captures the true essence of reality beyond the horizon of what is shown to us.

Gramsci’s reflection on Kant’s philosophy gave him a new perspective on the Russian Revolution. He believed that, with some reservations, the Bolshevik

с другой — интерпретация Канта туринским философом П. Мартинетти, который подчеркивал глубокие религиозно-этические ходы кантовского критицизма и придерживался идеи верховенства практического разума над теоретическим, поскольку практический разум способен ухватывать истинную суть реальности за пределами горизонтов явленного нам мира.

Рефлексия Грамши в отношении кантовской философии приводит его к новой оценке революции в России с учетом дальнейшего исторического развития. Грамши был убежден в том, что с определенными поправками большевистскую революцию возможно экспортировать на Запад. С точки зрения Дж. Коспито, главной категорией в размышлениях Грамши о событиях XX в. становится категория «пассивной революции», или «революции без революции». Знание о комплексном характере человека как действующего индивида в обществе отсылает нас к кантовской антропологии, и в соответствии с ней важнейший переворот во внутреннем мире человека — это «выход его из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине».

В ходе дискуссии докладчик уточнил, что ключевым в позиции Грамши является то, что он рассматривает кантовский критицизм как альтернативу вульгарному материализму.

Доклад на тему «Кант и политические изменения в пределах границ разума: революция, реформы и “грядущая демократия”» представил *Флориан Гроссер* (Калифорнийский университет в Беркли). Ф. Гроссер показал, что со времен Просвещения философия часто рассматривала себя не только как «критическую» дисциплину в кантовском смысле, но и как дисциплину опознания и осмысления кризисов. Это видно на примере Фихте, Ницше или Хайдеггера. Их работы, независимо от подходов, стремятся выявить кризисный характер современных им эпох. В своем докладе Ф. Гроссер сосредоточился на философах, которые рассматривают сущность кризиса и кризисного явления революции вне зависимости от эпохи. В числе таких философов И. Кант, Т. Джефферсон, К. Маркс, В. Беньямин, Х. Арендт и М. Фуко. В этой связи был поставлен ряд вопросов: можно ли представить себе революционные выходы из нынешних кризисов? Как можно определить «новое» и «старое» при политических изменениях? Действительно ли в результате революции происходит обновление старого? В заключительной части выступления была представлена попытка погрузить идеи Канта в контекст философии Э. Левинаса и Ж. Деррида.

В результате Ф. Гроссер пришел к следующим выводам. Даже если ограничиться сферой политического, понятие «революция» все равно оказывается достаточно сложным. Обзор имеющихся концепций революции показывает, что их неотъемлемой чертой является неоднородность. Можно предположить, что понятие революции используется лишь для укрепления отдельной конкретной теории, а не для целостного решения проблемы революции. Однако в этой неоднородности можно выявить единую структуру, которая позволяет отделить революцию от других форм политической

Revolution could be exported to the West. According to Dr Cospito, key to Gramsci's reflection on the events of the 20th century was the category of “passive revolution” or a “revolution without revolution.” The idea of the complex nature of a human being as a social agent is reminiscent of Kant's anthropology. For Gramsci, the crucial stage in the inner development of a human being is the emergence from one's “self-incurred immaturity.”

In the course of the discussion, the speaker stressed that Gramsci had considered Kant's critique as an alternative to vulgar materialism.

Dr Florian Grosser (UC Berkeley) gave a presentation titled “*Kant on Political Change within the Boundaries of Reason: Revolution, Reform, and the Democracy-to-Come.*” According to Dr Grosser, since the Enlightenment, philosophy has often considered itself not only as a critical discipline, in the Kantian sense, but also as a discipline that identifies, and reflects on, crises. This holds true for Fichte, Nietzsche, and Heidegger. Despite the differences in their approaches, all three philosophers strived to expose the critical nature of their times. Among these philosophers are I. Kant, T. Jefferson, K. Marx, W. Benjamin, H. Arendt, and M. Foucault. This thesis gives rise to a series of questions. Is there a revolutionary way out of the current crises? How can the “old” and the “new” be defined in the course of political changes? Do revolutions really entail the renewal of the old? In conclusion, Dr Grosser tried to place Kant's ideas into the context of E. Lévinas's and J. Derrida's philosophies.

The conclusions drawn by Dr Grosser were as follows. Even within the boundaries of the political, the notion of revolution is very complex. A review of the existing concepts shows that inhomogeneity is intrinsic in all of them. The notion of revolution is probably used only to reinforce a particular theory rather than to work out a comprehensive solution to the problem of revolution. However, there is a single structure to this inhomogeneity and, thus, revolution can be distinguished from the other forms of political transformation. At the same time, it is impossible to identify revolutionary new elements without a retrospective analysis. As any other transformation, revolution is characterised by inevitability. The researcher must be cautious when approaching political transformations and changes that seem to be revolutionary. Dr Grosser believes that revolutions do not bring anything new. Deep and sustainable changes and progress must be abrupt and the past must be left behind. All this is possible in the conditions of gradual social development.

трансформации. Вместе с тем возможность найти надежные критерии для выяснения того, что считать действительно революционно новым, без ретроспективной отсылки оказывается крайне сомнительной. В революции, как и в любом другом преобразовательном проекте, всегда присутствует момент «неотвратимости». Задача исследователя — подходить с надлежащей осторожностью к оценкам политических трансформаций и изменений, которые представляются революционными. С точки зрения докладчика, в революции ничего нового нет. Глубокие и устойчивые перемены и прогрессивное обновление невозможны, если они реализуются в виде резкого скачка при радикальном разрыве с прошлым. Однако такие обновления возможны, если они осуществляются в условиях ступенчатого и поэтапного развития общества.

В целом конференция, прошедшая в Калининграде, позволила выявить всю сложность феномена революции и необходимость его философского осмысления как в исторической, так и в теоретической перспективе. Результаты исследований, нашедшие отражение в докладах, представили единую историко-философскую панораму трансформации теорий революции от Канта до наших дней. Состоявшееся разностороннее обсуждение кантовской теории революции, которая при погружении в различные контексты, как оказалось, не теряет своей актуальности, станет, как можно надеяться, органичной частью международного кантоведения. Конференция подтвердила, что с теоретической точки зрения кантовские идеи о государстве и революции остаются востребованными и могут найти воплощение в современных проектах *Нового Просвещения*⁴.

Марей М.Д. «Республиканизм» и «Правительственность»: два способа мышления о государственном управлении // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 1, № 1. С. 113–122.

Маркс К. Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М., 1955. Т. 1. С. 85–92.

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome. N.Y., 2018.

Об авторе

Леонид Юрьевич *Корнилаев*, кандидат философских наук, младший научный сотрудник Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: kornhist@mail.ru

Для цитирования:

Корнилаев Л.Ю. Кант и проблема революции. Обзор международной конференции (Калининград, 9–10 ноября 2017 г.) // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 1. С. 74–87. doi: 10.5922/0207-6918-2018-1-5.

The conference held in Kaliningrad revealed the complexity of the phenomenon of revolution and emphasised the need to study this phenomenon from both a historical and a theoretical perspective. The findings outlined in the presentations built the common historical and philosophical view of the transformation of the theories of revolution from Kant's time until today. The discussion on Kant's theory – which remains relevant to this day across different contexts – will hopefully contribute to Kant studies worldwide. Kant's ideas on the state and the revolution remain relevant and they can be used in contemporary *New Enlightenment* projects.⁴

Marey, M. D. 2017, 'Republicanism' and 'Governmentality': Two Ways of Thinking About Government, in: *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]*, vol. 1, no. 1, pp. 113–122. (In Russ.)

Marx, K. 1981, Das philosophische Manifest der historischen Rechtsschule, in: Marx, K., Engels, F., *Werke*, Bd. 1, Berlin, pp. 78–85.

Weizsäcker, E. U. v., Wijkman, A. 2018, *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome*, New York.

The author

Dr Leonid Yu. *Kornilaev*, Junior Research Fellow at the Academia Kantiana, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: LKornilaev@kantiana.ru

To cite this article:

Kornilaev, L. Yu., 2018, Kant and the Problem of Revolution: A Report of the International Conference (Kaliningrad, November 9–10, 2017). *Kantian Journal*, vol. 37, no. 1, pp. 74–87. doi: 10.5922/0207-6918-2018-1-5.

⁴ Об идее «Нового Просвещения» подробнее см.: (Weizsäcker, Wijkman, 2018, p. 92–99).

⁴ On the idea of a “New Enlightenment,” see: Weizsäcker & Wijkman, 2018, pp. 92–99.